

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.228.153

История денег: ложный метод. Часть 1

© 2023 Лебедев Константин Николаевич

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, профессор.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.

E-mail: KNLebedev@fa.ru

Ключевые слова: традиционная история денег, научная дедукция, диалектика, недостатки теоретического метода истории денег, отсутствие свидетельств бартера, отсутствие свидетельств товарных денег.

В настоящей статье показано, что начальная история денег (по появлению банкнот с частичным обеспечением включительно), выступающая частью традиционной истории денег, была сформирована А. Смитом и К. Марксом гипотетическим путем – посредством научной дедукции и диалектики соответственно, причем использование этих методов для соответствующей цели сопровождалось грубыми нарушениями правил их применения в социально-экономическом исследовании. Представленное исследование является более основательным опровержением традиционной истории денег, нежели чем то, которое ссылается на отсутствие эмпирических доказательств существования бартерной экономики и товарных денег.

Современные специалисты по теории денег отмечают усиление в экономической науке позиции, обосновывающей ложность традиционной истории денег (ТИД), например, в работе (Ковалев, 2020) отмечается усиление популярности представления о том, что бартерной экономики не существовало, а деньги произошли не из неудобств бартера, а были введены правителями, что доказывают факты, собранные экономическими историками [6, с. 147]. Теория альтернативных финансов содержит собственную альтернативную историю денег и соответствующее опровержение их традиционной истории (см. статьи К. Н. Лебедева «Альтернативная история денег» и Ю. И. Будович «Закабаление и освобождение денег» в настоящем номере «Экономических наук»). Однако в данной статье ТИД подвергается критике с общенаучных позиций – с точки зрения метода, который был применен

А. Смитом и К. Марксом для формирования ее начальной части (по появлению банкнот с частичным обеспечением включительно). В статье будет рассмотрен ряд недостатков этого метода, наличие которых само по себе позволяет существенно усомниться в адекватности ТИД.

Когда речь идет об истории, обычно представляется, что это исследование, основывающееся на исторических фактах, лишь систематизированных учеными. Однако в случае начальной истории денег речь идет о совершенно другом исследовании. Эта история имеет гипотетическое, или умозрительное, происхождение. В Смитовом «Богатстве народов» (1776) она выведена на основе метода научной дедукции, а в марксизме – на основе диалектики, и факты истории товарообмена не образуют историю денег, а используются для подтверждения соответствующей гипотезы. При этом гипотетический

способ формирования ранней истории денег представляется обоснованным по умолчанию в связи с отсутствием полноценных описаний первобытного товарообмена, что мы в своих исследованиях опровергаем.

Рассмотрим содержание метода научной дедукции в его изложении известным российским ученым-политэкономом А. И. Чупровым, прежде всего, потому, что А. И. Чупров иллюстрирует его применение на примере А. Смита и даже его исследования истории денег: «...Метод научного исследования, известный... под названием дедуктивного, ...стремится найти законы сложного явления, исходя из законов простейших причин, производящих это явление... Обращаясь к первой стадии, ...мы прежде всего встречаемся с вопросом: откуда экономическая наука почерпает познание простейших элементов рассматриваемых ею сложных явлений? ...Во всех важнейших хозяйственных явлениях стоят как первые причины: во-первых, известные свойства человеческого организма; во-вторых, чувствования и привычки людей; в-третьих, условия внешней природы, среди которых приходится действовать человеку, и, наконец, политические учреждения, юридический быт и другие стороны общественной обстановки в их влиянии на личность. Многие из этих причин составляют предмет исследования других отраслей знания... Со многими из таких посылок знакомит исследователя его собственный внутренний опыт... Кроме внутреннего опыта и личных наблюдений, обширный материал для первой стадии экономической дедукции дают статистика и история... Перейдем ко второй стадии дедуктивного процесса... Экономист... предполагает, что люди... управляются хозяйственным расчетом... Сопоставление этого расчета с известными внешними условиями, с которыми исследователь знаком или из других наук, или из собственных наблюдений, служит... первой ступенью экономического вывода... Сначала исследователь анализирует простейший случай, пользуясь для этого или наблюдениями над общественной жизнью на первобытных ступенях культуры, – что составляло любимую точку отправления Адама

Смита, – или собственными произвольными гипотетическими построениями, составляющими обычный прием исследования Рикардо; затем, указав на проявления хозяйственного интереса при самой простой обстановке, исследователь постепенно вводит более сложные условия... Чтобы убедиться в полноте и верности сделанного вывода, в его научной законченности, необходимо перейти к третьей стадии... – к проверке... Важнейшим источником эмпирических обобщений для проверки результатов экономической дедукции может служить история... Так, Адам Смит проверял свое учение о деньгах подробным изложением истории денег в разных странах» [15, с. 45–57].

Рассмотрев правила научной дедукции, посмотрим, в какой мере их соблюдал А. Смит, выводя историю денег. Вот вывод ее начальной части: «Как только повсеместно устанавливается разделение труда, лишь весьма малая доля потребностей каждого человека может быть обеспечена продуктом его собственного труда... Но когда разделение труда впервые стало развиваться, эта возможность обмена, должно быть, часто встречала очень большие затруднения и сложности. Предположим, один человек имеет некоторого продукта больше, чем нужно ему самому, тогда как другому этого не хватает. Поэтому первый охотно отдал бы часть этого излишка, а второй охотно приобрел бы его. Но если у последнего в данный момент нет ничего такого, в чем нуждается первый, то никакого обмена между ними быть не может. У мясника в лавке имеется больше мяса, чем сам он может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждый по куску этого мяса. Однако им нечего ему предложить в обмен, кроме различных продуктов его собственного промысла, а мясник уже запасен тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время. В таком случае между ними не может состояться обмен. Мясник не может явиться поставщиком пивовара и булочника, а они – его покупателями; и, таким образом, все они ничем не могут служить друг другу. Понятно, что в целях избежания таких неудобных положений каждый

разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своей собственной деятельности иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, мало кто откажется взять в обмен на продукт своего промысла» [14, с. 136–137].

Мы видим, что «самая простая обстановка» товарообмена – случайная наличная мена вещи на вещь и ее неудобства – была установлена А. Смитом вопреки требованиям научной дедукции. Не представлены ни соответствующие «наблюдения над общественной жизнью на первобытных ступенях культуры» (любимый прием А. Смита), ни «собственные произвольные гипотетические построения» (он мог бы воспользоваться приемом Д. Рикардо). Самая простая обстановка товарообмена была взята А. Смитом из «внутреннего опыта и внешних наблюдений», то есть из современной (для А. Смита) жизни (см. выше). Комментаторы «Богатства народов», видя этот казус и спасая лицо А. Смита, отсылают читателя к описанию бартерной экономики Перу, которое А. Смит приводит в своем труде [14, с. 137]. Вот это описание: «Даже перуанцы, наиболее цивилизованные из этих народов (открытых испанцами и португальцами – примеч. авт.), хотя и употребляли золото и серебро для украшений, не имели никакой чеканной монеты. Вся их торговля велась посредством безденежного обмена, и в соответствии с этим у них встречалось лишь незначительное разделение труда. Люди, обрабатывавшие землю, вынуждены были сами строить себе дома, делать себе одежду, обувь, домашнюю утварь и сельскохозяйственные орудия. Немногочисленные среди них ремесленники, как говорят, содержались государем, знатными лицами или духовенством и были, вероятно, их слугами и рабами» [14, с. 338]. Однако из этого описания следует только то, что бартер у перуанцев был исходной формой товарообмена. Ничто не говорит о том, что этот бартер был наличной меной вещи на вещь. У крестьян он не мог быть таковым, поскольку крестьяне, как пишет А. Смит, сами изготавливали вещи для

собственного потребления. Если ремесленники были слугами или рабами знатных перуанцев, то они неизбежно работали на средствах производства, принадлежавших их хозяевам, в связи с чем не могли быть собственниками своих произведений и пускать их в обмен. Это значит, что в обмене между господами и слугами только со стороны господ участвовали вещи (пища, одежда и др.), тогда как со стороны ремесленников таковыми были не вещи, а услуги. При этом нет никаких свидетельств наличной формы такого обмена, например, того, что ремесленник за изготовленный им нож сразу же получает от господина порцию пищи. Далее в описании ничего не сообщается о неудобствах, которые в бартерном обмене испытывали перуанцы.

При этом самая простая обстановка товарообмена, взятая А. Смитом из современной для него жизни, в действительности вовсе не была самой простой для того времени. Согласно самому А. Смицу, если бы в обществе господствовала случайная наличная мена вещи на вещь, сопровождающаяся соответствующими сложностями, то в нем не было бы развитого разделения труда, что было показано им на примере перуанцев (см. выше). А между тем, в обществе А. Смита имело место развитое разделение труда, так как люди именовались (носили звания) «Мясник», «Пивовар», «Булочник». Следовательно, представленная А. Смитом на примере мясника, пивовара и булочника ситуация есть не обычный (простой) случай товарообмена в современном для него обществе, в котором товарообмен шел беспрепятственно, а случай экстраординарный, который мог возникнуть, например, когда в условиях принятого (обычного) в обществе денежного обмена какой-то булочник или пивовар в силу собственных причуд вдруг захотел бы поменять свою продукцию на нужное ему мясо путем наличной мены или же общество столкнулось с чрезвычайным случаем конфискации звонкой монеты правителем.

Но и сама необходимость товарных денег для условий господства случайной наличной мены вещи на вещь была выведена А. Смитом про-

извольно. Путем той же научной дедукции, или «мысленного эксперимента», не сложно установить, что в ситуации случайной наличной мены (при условии, что все предлагаемые к обмену вещи находят спрос), требующей промежуточных обменов, использование товарных денег, то есть предметов, пользующихся всеобщим спросом, только затрудняет товарообмен.

Пусть у человека 1 есть товар А, а ему нужен товар Г, у 2 есть Б, ему нужен А, у 3 есть В, ему нужен Б, у 4 есть Г, ему нужен В. Товарные деньги отсутствуют. Расстояния между всеми участниками обмена одинаковые. Устройство товарообмена берет на себя человек 1. Он один изучает все предложение и спрос на рынке, а остальные – просто подчиняются ему в обмене. Исходя из приведенных выше данных о предложении и спросе, человек 1 отдаст свой А человеку 2 в обмен на его Б, затем отдаст Б человеку 3 в обмен на его В, наконец отдаст В человеку 4 в обмен на нужный ему Г. В пространстве это выглядит как перемещение каждого товара по своему участку окружности, обозначаемому номерами людей, например товара А – от 1 до 2, товара Б – от 2 до 3 и т. д. При этом суммарно 4 товара пройдут всю длину окружности (каждый – в среднем $\frac{1}{4}$).

Теперь представим себе, что у человека 4 товар Г представляет собой товарный деньги. Картина товародвижения будет выглядеть так: человек 4 покупает на Г у человека 3 нужный ему В, человек 3 на эти Г покупает у 2 нужный ему Б, а человек 2 покупает у 1 на Г нужный ему товар А. Не сложно установить, что трудозатраты по перемещению товаров при этом при прочих равных условиях увеличатся в 1,5 раза! Товары А, Б и В совершат то же движение, что и в исходном случае, пройдя суммарно $\frac{3}{4}$ длины окружности, а товар Г поступит человеку 1 от человека 4 не по короткой, а по длинной части окружности, пройдя, вместо $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{4}$ ее длины. И это еще не все. Если раньше конъюнктуру рынка изучал только человек 1, то теперь человек 4 должен отыскать на рынке продавца нужного ему В, человек 3 не продаст ему за Г свой В, пока не убедится, что

на рынке предлагается нужный ему Б, а человек 2 не продаст человеку 3 за Г свой Б, пока не убедится, что на рынке представлен нужный ему товар А. Таким образом, теперь уже не одному из четырех, а трем из четырех участников товарообмена придется изучать спрос и предложение участников товарообмена.

По А. Смиту, появление денег, облегчив товарообмен, сделало бы его постоянным, обусловив разделение труда (см. выше). Но превращение случайного безденежного товарообмена в постоянный вообще исключает какие-либо сложности этого обмена, а тем более – не требует использования для его осуществления товарных денег. Это касается, в частности, наличной мены вещи на вещь. Представим себе, что рассмотренная выше такая случайная мена стала постоянной, так как вызвала соответствующее разделение труда. Тогда в следующий раз в товарообмене примут участие те же лица с тем же предложением и спросом, уже знающие, кому они должны отдать свой товар и от кого они получат нужный им товар.

Другой мысленный эксперимент (или эксперименты) покажет, что, люди, в условиях развитого отраслевого разделения труда, которым каким-то образом были навязаны товарные деньги, руководствуясь экономическим принципом, тут же трансформируют соответствующую платежную систему в систему расчетов расписками на товарные деньги, подобно тому, как использование в качестве денег-слитков драгметаллов сразу же превратилось в расчеты расписками на них золотых дел мастеров, принявших эти слитки на хранение (см. статью Ю. И. Будович «История денег на службе у банковского капитала»). Необходимость отказа от товарных денег покажет мысленное моделирование товарообмена в обществе с развитым отраслевым разделением труда, в котором в качестве товарных денег используется скот. А. Смит, конечно же, признает неудобство скота как средства обращения, но только в сравнении с другими товарными деньгами, например, с металлами: «...Человек, которому нужно было купить соль, ...вынужден

был разом покупать соль в объеме ценности целого быка... Если вместо... быка у него для обмена на соль был металл, он легко мог отделить количество металла, точно соответствующее количеству товара, который понадобился ему в данный момент» [14, с. 138]. Смитову картину неудобств оплаты скотом небольших покупок можно дополнить картиной начала и завершения базарного дня – утром со всех сторон покупатели гонят на рынок быков и коров для покупки на них всего необходимого, а вечером этих же быков и коров гонят в обратную сторону продавцы, продавшие за них свой товар, далее – наличия в каждом хозяйстве хлева и прочих средств производства, требующихся для содержания скота в промежутках между продажей и куплей. Чтобы избежать этих неудобств, люди массово будут сдавать скот в депозитарные коммерческие стада и пользоваться в расчетах друг с другом расписками на скот. И эту реформу даже не нужно придумывать. Она – в духе общей схемы, частным случаем использования которой была замена полновесного золота и серебра в обращении знаками их стоимости.

Третьей стадией, или правилом, научной дедукции, неукоснительное следование которому А. И. Чупров приписывает А. Смиту как раз в части создания истории денег (см. выше), является проверка выводов фактами той же истории. Но никаких фактов, подтверждающих именно то, что народы, ранее пользовавшиеся прямым товарообменом, перешли к обмену с помощью товарных денег, А. Смит не приводит. В качестве подтверждения существования товарных денег А. Смит приводит случаи использования каких-то предметов в качестве орудий товарообмена: «В примитивные общественные эпохи обычным орудием обмена, как говорят, был скот; и хотя это должно быть самое неудобное средство, однако мы находим, что в древние времена предметы часто оценивались по тому количеству скота, которое давалось в обмен за них. Вооружение Диомеда, как говорит Гомер, стоило только 9 быков, а вооружение Главка стоило 100 быков. Как передают, в Абиссинии обычным средством торговли и обмена служит соль; на

берегах Индии таким средством служат раковины особого вида, в Ньюфаундленде – сушеная треска, в Вирджинии – табак, в некоторых наших вест-индских колониях – сахар, в некоторых других странах – шкуры или выделанная кожа, и ...в настоящее время в Шотландии существует деревня, где рабочий нередко вместо денег приносит в булочную или пивную гвозди» [14, с. 137–138]. Однако использование в качестве орудий обмена каких-то предметов вовсе не говорит о том, что эти предметы выступали товарными деньгами, т. е. использовались как средство обращения товаров, вступавшее в обмен по стоимости его изготовления. Как орудия обмена они могли выступать и знаками стоимости, например, раковины, и исключительно счетными деньгами, например, скот, и валютой для расчетов с границей, например, сушеная треска, и объектом наличной мены вещи на вещь, например, гвозди, обменивавшиеся на пиво и булки, или быки, обменивавшиеся на вооружение, и объектом спекулятивной скупки, например, табак, и в таком случае, вовсе не были товарными деньгами. Однако А. Смит не снисходит до подобных уточнений.

Интересно, что правдивость Смитовых примеров товарных денег стала подвергаться сомнению уже вскоре после появления «Богатства народов» (1776), в частности американский экономист Томас Смит в «Эссе о валютном и банковском деле» (1832) выступил с версией, что во всех приведенных А. Смитом случаях использования в расчетах вещей (см. выше) финансовые расчеты производились в фунтах, шиллингах и пенсах, а соответствующие товары использовались для погашения кредита [10]. Но это может быть признаком не только кредита (его погашения), но и взаимных товарных поставок (бартера) в международной торговле с Англией, внутриобщинного прямого безденежного многостороннего товарообмена в английских колониях.

Нарушения правил научной дедукции А. Смит допускает и при выводе следующих стадий развития денег. Так, с нарушением соответствующим

щих правил была выведена вторая стадия развития денег, а именно переход к повсеместному использованию вместо разнообразных товарных денег такого их сорта, как металлы. Вот доводы А. Смита в пользу металлов: «...Во всех странах люди, по-видимому, в силу непреодолимых причин сочли необходимым в конце концов дать предпочтение для этой цели металлам над всеми другими товарами. Металлы не только можно сохранять с наименьшей потерей, ...но их также можно делить без всяких потерь на любое количество частей, которые потом могут быть легко сплавлены в один кусок... Древние спартанцы употребляли в качестве средства обмена железо, древние римляне пользовались для этого медью; золотом и серебром пользовались все богатые и торговые народы» [14, с. 138].

Принять отмеченное выше за преимущество металлов как средства обращения по сравнению с другими товарными деньгами может только интеллигент, не знакомый с металлами, то есть тот, кто никогда не рубил железо на части и не занимался его плавкой, да и думающий неспециалист вряд ли примет сказанное А. Смитом за преимущество металлов как средства обращения. В действительности расчеты металлами (если бы они существовали) заключали массу неудобств. В отличие от скота, который передвигается сам, металлы нужно было перевозить, рубка металлов на рынке для оплаты ими товаров – это целая проблема (нужно специальное оборудование и инструменты, наконец – физическая сила), для адекватной работы металлослиткового обращения каждое хозяйство должно было иметь плавильную печь и быть знакомым с плавильным делом. Таким образом, в данном случае нарушение правил научной дедукции состоит в искажении посылок дедуктивного вывода, которое состоит в выдаче сложностей за преимущества. Следующее нарушение состоит уже в сокрытии сложностей использования в качестве средства обращения металлов. Эти сложности А. Смит припоминает только при обосновании третьей стадии развития денег – перехода от расчетов металлическими слитками к расчетам полноценными монетами: «Первоначально, по-видимому,

металлы употреблялись для этой цели в слитках без какого-либо штампа или клейма... Пользование такими слитками металла сопровождалось двумя очень значительными неудобствами: во-первых, трудностью взвешивания металла и, во-вторых, трудностью определения его пробы... Неудобства и затруднения, связанные с точным взвешиванием металлов, привели к установлению чекана монет, причем клейма... должны были удостоверить не только чистоту, но и вес металла» [14, с. 138–140]. Таким образом, если собрать воедино все сложности использования металлов в качестве средства обращения (рубка, взвешивание, определение пробы, обратная переплавка нарубленных кусков в слитки и выделывание из них проволоки, колец, брусков и т. д.) и сравнить их с преимуществами (делимость), то переход к ним от скота или соли не будет отвечать экономическому принципу. При этом мы даже не говорим о том, что неверной является сама посылка о существовании первых товарных денег, из неудобств которых выводится необходимость введения металлослиткового обращения. Понятно также, что если бы металлы были навязаны товаропроизводителям в качестве денежного товара, то они ни в коем случае не использовались бы в расчетах как наличные деньги, были бы сданы в депозитории в обмен на складские расписки или безналичные счета, которые и выступали бы средством обращения, что и подтверждает реальная история денег.

Анализ вывода Смита второй стадии развития денег (металлов в виде слитков) показывает, что А. Смит фактически обосновывал переход от очередной стадии товарообмена к другой только улучшениями (плюсами) в денежных (обменных) отношениях, вызываемыми изобретением и совершенствованием денег, исключая из рассмотрения соответствующие ухудшения (минусы). В статье Ю. И. Будович «История денег: ложный метод. Часть 2» такое исследование объясняется технико-биологическим подходом ученого к социальной жизни, в соответствии с которым совершенствование производительных сил вызывает соответствующее совершенствование производственных отношений, но, по

нашему мнению, А. Смит исключал из своего анализа минусы целенаправленно – для того чтобы получить заданную историю денег, обосновывающую совершенство и вечность банковских денег.

Экономическому принципу, очевидно, соответствует описанный А. Смитом переход от металлических слитков к полноценной монете, но, как ясно из отмеченного выше, реальности не соответствуют сами условия такого перехода (существование металлослиткового обращения), так что и в этом случае имело место нарушение правил научной дедукции.

При этом, как и в случае стадии товарных денег, А. Смит, гипотетически выводя стадии металлов и монет, не приводит никаких наблюдений за общественной жизнью, подтверждающих, что какие-то народы от товарных денег перешли к обмену посредством металлических слитков, а от металлических слитков – к обмену посредством полноценной монеты.

Таким образом, на всех стадиях научной дедукции в процессе вывода гипотетической начальной истории денег А. Смит допускал серьезные нарушения правил применения соответствующего метода, что побуждает сомневаться в адекватности начальной части ТИД.

В марксистском варианте истории денег начальные формы товарообмена, в целом укладываемые в древнюю историю денег, выведенную А. Смитом, были, как уже отмечалось выше, получены на основе диалектики. Приведем эту историю в изложении самого популярного в СССР в 1950–1960-е гг. учебника политической экономии (в нем впервые была систематически изложена политическая экономия социализма): «Первоначально обмен, зародившийся еще в первобытном обществе, носил случайный характер и совершался в форме непосредственного обмена одного продукта на другой. Этой стадии в развитии обмена соответствует простая, или случайная, форма стоимости: 1 топор = 20 килограммов зерна... С ростом общественного разделения труда обмен становится все более

регулярным. Отдельные племена, например, скотоводческие, начинают производить излишек продуктов скотоводства, на которые они выменивают недостающие им продукты земледелия или ремесла. Этой ступени в развитии обмена соответствует полная, или развернутая, форма стоимости. В обмене участвуют уже не два, а целый ряд товаров: 1 овца = 40 килограммам зерна, или 20 метрам холста, или 2 топорам, или 3 граммам золота и т. д.» [12, с. 69].

В учебнике отмечается та же неэффективность бартера, приводящая к появлению товарных денег: «Все чаще возникает положение, когда, например, владельцу сапог требуется топор, между тем как владельцу топора нужны не сапоги, а зерно: сделка между этими двумя товаровладельцами состояться не может. Тогда владелец сапог обменивает сапоги на такой товар, который чаще других вступает в обмен и его все охотно берут, допустим, на овцу, и затем выменивает на эту овцу нужный ему топор. Владелец же топора, получив в обмен на топор овцу, обменивает ее на зерно» [12, с. 70]. Товарным деньгам соответствует всеобщая форма стоимости: «40 килограммов зерна или 20 метров холста или 2 топора или 3 грамма золота и т. д. = 1 овце. Всеобщая форма стоимости характеризуется тем, что все товары начинают обмениваться на товар, играющий роль всеобщего эквивалента. Однако на этой ступени... в разных местностях роль всеобщего эквивалента выполняли различные товары. В одних местах – скот, в других – меха, в третьих – соль и т. д.» [12, с. 70]. Одному из драгоценных металлов в слитках, прежде всего, золоту в роли всеобщего эквивалента соответствует денежная форма стоимости: «40 килограммов зерна или 20 метров холста или 1 овца или 2 топора и т. д. = 3 граммам золота... Деньги представляют собой товар, являющийся всеобщим эквивалентом для всех товаров...» [12, с. 70]. Ее развитием выступает обмен посредством монет: «Первоначально при обмене товаров деньги выступали непосредственно в форме слитков серебра или золота. Это создавало трудности при обмене: необходимость взвешивания денежного металла, дробления его на

мелкие части, установления пробы. Постепенно слитки денежного металла заменялись монетами. Монета есть слиток металла определенной формы, веса и достоинства...» [12, с. 72].

Если А. Смит, выводя гипотетическую историю денег на основе научной дедукции, допускал грубые нарушения правил использования этого метода, то К. Маркс, выводя указанную выше последовательность исторических форм обмена на основе диалектики, допускал грубые нарушения правил использования диалектики в социально-экономическом исследовании. В наших работах было показано, что законы диалектики (основные законы диалектики и законы взаимодействия взаимосвязанных философских категорий) являются слепокми с законов развития организмов, то есть выступают биологическими аналогиями. В социально-экономическом исследовании биологические (как и технические) аналогии выступают даже не гипотезами – построение гипотезы состоит в теоретическом объяснении исследуемого явления, гипотеза – предположение, обоснованное, опирающееся на конкретные факты [3]. Эти аналогии выступают лишь основаниями для построения гипотез, в связи с чем подлежат «двойной» проверке: вначале – путем построения соответствующей аналогии гипотезы посредством теоретических методов исследования, а затем – проверки этой гипотезы на фактах. Это следует из того, что (словами одного из создателей традиционного метода научного экономического исследования К. Менгера), «во-первых, лишь некоторая часть социальных явлений обнаруживает аналогию с естественными организмами... Во-вторых, аналогия между социальными явлениями и естественными организмами, даже там, где о такой, согласно сказанному, и может быть речь, не бывает полной, объемлющей все стороны существа известных явлений...» [11, с. 390]. В наших работах было показано, что диалектика допускает произвольность отнесения взаимодействующих социальных явлений к тем или иным взаимосвязанным философским категориям, что позволяет получать даже противоположные выводы. Так, отнесение к содержанию производительных сил,

а к форме – производственных отношений, превращает производственные отношения, основу которых, согласно марксизму, составляют отношения собственности, в явление, изменение которого в процессе его развития происходит революционным путем, что является обоснованием политических революций (буржуазных, пролетарских и пр.) и эволюционного развития техники [1, с. 104]. Но с не меньшим основанием можно отнести к содержанию производственные отношения, а к форме – производительные силы, что является обоснованием технологических революций, например, смены технологических укладов из другой известной теории социально-экономического развития и эволюционного (безреволюционного) развития уже производственных отношений, включая отношения собственности. Это повышает эвристическую силу диалектики в социальном исследовании, однако делает еще более настоятельной строгую научную проверку полученных на ее основе предположений.

Рассмотрим процесс вывода исторически первых трех форм стоимости. Основой диалектики является гегелевская триада «тезис – антитезис – синтез», формами проявления которой фактически выступают известные основные законы диалектики и законы взаимодействия взаимосвязанных философских категорий, например, закон отрицания отрицания, закон взаимодействия таких взаимосвязанных категорий, как единичное, особенное и всеобщее. В свое время марксизм был подвергнут сокрушительной критике, в частности, в России – лидером либерального народничества Н. К. Михайловским (1842–1904), за использование для обоснования неизбежности победы социализма над капитализмом не общественных законов, а вышеуказанной триады, что было абсолютной правдой. По этой причине марксизм дистанцировался собственно от триады, продолжая, однако, активно использовать для обоснования своих выводов формы проявления триады, в частности вышеуказанные законы, в том числе последний из них. Как писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», «...всякое действительное, исчерпы-

вающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность...» [8, с. 548].

Рассмотренная выше последовательность форм стоимости (стадий развития товарообмена) как раз и является результатом применения к процессу развития товарообмена диалектики единичного, особенного и всеобщего. Об этом говорят, прежде всего, сами названия форм стоимости. Так, одним из названий исторически первой формы стоимости является «Единичная» (см. выше), единственным названием третьей – «Всеобщая». Что касается второй, развернутой формы стоимости, то К. Маркс в «Капитале» характеризует ее как особенную эквивалентную форму, объясняя это следующим образом: «Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду с многими другими» [9, с. 73]. Конечно же, сам процесс применения диалектики этих трех философских категорий для получения вышеуказанного научного результата скрывается, однако ясно, что применение в исследовании не собственно триады, итак малопонятное, а ее форм, делает еще более «мутным» процесс познания, основанного на гегелевской триаде (обеспечивая в интересах марксизма еще большую произвольность выводов). Это хорошо видно из следующего представленного в марксистской философии примера использования в познании диалектики единичного, особенного и всеобщего: «...Положение «трение порождает теплоту» будет суждением единичности, так как здесь отмечается единичный факт. Положение «механическое движение переходит в теплоту» будет суждением особенности, ...так как здесь отмечается особенная форма движения, механическая, переходящая благодаря трению в другую особенную форму движения – в теплоту. И этот шаг означает углубление познания мира. И, наконец, положение «любая форма движения способна

и должна превращаться в любую другую форму движения» будет еще более глубоким суждением, суждением всеобщности» [7, с. 164]. Поэтому, чтобы реконструировать процесс вывода К. Марксом последовательности рассматриваемых форм стоимости на основе взаимосвязи суждений единичности, особенности и всеобщности, проще обратится непосредственно к гегелевской триаде, суть которой в марксизме передается следующим образом: «Всякий процесс развития, согласно Гегелю, проходит три ступени. Первая ступень – тезис – отрицается второй ступенью – антитезисом, вторая ступень в свою очередь отрицается третьей – синтезом. Третья ступень называется синтезом (соединением) потому, что она не только отвергает предыдущую ступень, но и соединяет в себе по-новому некоторые черты обеих предыдущих – ступеней развития. У Гегеля – это схема, под которую искусственно подгоняется действительность» [7, с. 609]. В данном случае тезис – за товар дают только какой-то один товар. Антитезис – за данный товар дают множество товаров. Синтез – множество товаров обмениваются на один товар. Синтез осуществлен адекватно, так как он сохраняет такую черту антитезиса, как множество товаров, которые в данную историческую эпоху могут выполнять роль того одного товара, на который обменивается множество товаров на отдельных территориях, и такую черту тезиса, как единичность этого одного товара на каждой отдельной территории. Совершенно ясно, что глава о формах стоимости в «Капитале» является переводом рассмотренной выше марксистской начальной истории форм стоимости на язык единичного, особенного и всеобщего.

Выше мы фактически показали, как путем манипулирования содержанием категорий триады бартер превращается в обмен посредством товарных денег. Не сложно понять, что за антитезис, или отрицание тезиса, не менее обоснованно можно выдать суждение «за множество товаров дают только один какой-то товар». Произволом является и трактовка формулы: «За один товар дают только один какой-то товар» как случайной наличной мены вещи на вещь. Под

нее подходит и постоянная мена одного товара на определенный другой товар, например, скота на зерно, между племенами, специализирующимися на их производстве. О таком произволе лучше всего говорит попытка К. Маркса сделать в данном случае синонимом единичного случайное, отраженная в названии первой формы стоимости (см. выше), что является способом еще большей подгонки под закон взаимодействия единичного, особенного и всеобщего случайной мены вещи на вещь. Сказанное выше о триаде и всей диалектике как об инструменте получения «любой» действительности позволяет предположить, что Марксово исследование форм стоимости является не независимым исследованием, а попыткой дополнительного обоснования капиталистической истории денег в ее начальной части, написанной А. Смитом, на основе «передового» научного метода, в качестве которого позиционировалась диалектика.

Из очерков марксистской истории денег (см. выше) видно, что научная индукция (ее индуктивно-дедуктивная часть) привлекалась для проверки соответствующей гипотезы, например, говорится о неудобстве использования в качестве средства обращения металлических слитков, из которого выводится использование монеты (см. выше). Но мы видим, что эта логическая проверка является точным повторением ошибочных рассуждений А. Смита (см. выше).

Марксистская история денег убеждает читателей в том, что начальная история денег в марксизме основана на фактах, например, в работе (Политическая экономия, 1982) относительно открытой К. Марксом первой формы товарообмена утверждается следующее: «Обобщив огромный исторический материал, он показал, что обмен товаров на ранней стадии развития носил случайный характер. Этой стадии обмена соответствовала простая, единичная, или случайная, форма стоимости» [13, с. 63]. Но в действительности удовлетворительной проверки начальной истории денег на наблюдениях за ранним товарообменом основоположники марксизма, как и А. Смит, не производили. В каче-

стве такой проверки можно было бы рассматривать главу IX «Общие понятия о происхождении обмена...» из книги «Очерки первобытной экономической культуры» (1881) Николая Ивановича Зиберы (1844–1888), одного из первых популяризаторов и защитников экономического учения К. Маркса в России [5]. После обширной цитаты из Марксова «Капитала» о двух исходных пунктах развития в обществе разделения труда и обмена – внутриобщинного различия возраста и пола и межобщинного различия изготавливаемых продуктов, с которой начинается глава, Н. И. Зибер обещает показать, что «обмен есть чисто историческое явление, развивающееся медленно и постепенно...» [4, с. 417–418].

В главе вначале приводятся описания межобщинной наличной мены вещей на вещи, а затем – товарообмена посредством примитивных наличных денег, встречавшихся у разных народов до развития у них феодальных отношений (согласно нашей трактовке – до развития капиталистических отношений), в том числе обмена с участием европейцев. Однако расположение этих описаний вовсе не говорит о том, что прямая мена вещи на вещь является исторически первой формой товарообмена, а обмен посредством примитивных денег – второй, тем более, что денежный обмен однозначно не выглядит как межобщинный. Какие-либо описания смены денежным обменом бартерного обмена у соответствующих народов отсутствуют. Косвенным подтверждением могли бы послужить данные о том, что народы, практикующие бартер, находились на более низкой стадии развития, чем те, которые практиковали денежный обмен, но таких данных нет. При этом приводимые описания обмена посредством денег таковы, что не позволяют точно судить о том, что соответствующие средства обмена были именно товарными деньгами, то есть использовались как средство обращения и вступали в обмен по цене изготовления, а не были символическими или счетными деньгами. Например, «на Палаузских островах роль денег играют камни, черепки стекла, кусочки фарфора или эмали. Таких денег считается до семи сортов: ценность

их в торговле определяется... соответственно их величине, ...их положению в ряду различных видов монеты. Денег первого сорта... существует на всей группе островов всего три или четыре экземпляра; вторым сортом монеты служит... красный камень, ...который богатые женщины с большой гордостью носят на шее; третий сорт денег представляет... агат определенной цилиндрической формы. Таковы деньги высшего класса, никогда не идущие в народ. Все прочие сорта принадлежат обыкновенной торговле... Эти монеты имеют тонкое цилиндрическое отверстие, сквозь которое протягивается нитка, чтобы носить их на шее как украшение, или для предохранения от утраты... Употребление описанных родов денег повлекло за собой попытку контрабандного ввоза черепков и бутылочного стекла, но жители прекрасно умеют отличить свою монету от чужой» [4, с. 440]. Из этого описания не просматривается исполнение соответствующими сортами денег роли товарных денег. Первые три сорта не являются средством обращения, но раз их называли деньгами, то они могли исполнять роль счетных денег. Что касается денег из черепков и битого бутылочного стекла, то им больше подходит статус символических денег.

Далее, приводимые в параграфе «Непосредственный обмен и его неудобства» описания наличной мены вещей на вещи не содержат никаких жалоб на неудобства данного вида товарообмена со стороны его участников или соответствующих заключений авторов описаний. Единственный случай, подаваемый как неудобства бартера, есть случай с участием европейского путешественника, а именно В. Л. Камерона (1844–1894), который он сам описывает следующим образом: «Забавно было видеть, как мне пришлось платить наемную плату за лодку на рынке в Кавеле, на берегу Танганьики. Агент Саида требовал уплаты слоновой костью, которой, однако, у меня не было; тогда я узнал, что Магомет-Ибн-Салиб располагал слоновой костью и желал иметь сукно; однако это известие принесло мне еще не много пользы, пока, наконец, я не узнал, что Магомет-Ибн-Гариб имел

сукно и желал иметь проволоку. Эта последняя у меня, по счастью, была, и таким образом я дал Магомет-Ибн-Харибу требуемое количество медной проволоки, он передал Магомет-Ибн-Салибу сукно, а этот последний дал агентам Саида требуемую слоновую кость; тогда только я получил от последнего право воспользоваться лодкой» [4, с. 437–438]. Интересно, что как наличие неудобств – «...чего бывают лишены люди в обменах, не имея постоянной денежной единицы» [4, с. 437] – данный случай расценивает лишь сам Н. И. Зибер, тогда как для Камерона – это «забавный» случай (см. выше).

Ранее мы уже отмечали, что эти «заключения» Камерона не могут свидетельствовать о неэффективности наличной мены вещи на вещь: возникшая перед Камероном проблема была быстро решена, в ходе мены были удовлетворены потребности в продуктах не одного Камерона, как было бы случае аренды лодки за деньги, а еще трех хозяйств, что существовали структуры, обеспечивающие легкость прямой мены с промежуточными обменами, а именно доносившие информацию о предлагаемых на рынке и требуемых взамен продуктах, об адекватных пропорциях обмена [2, с. 101] – Камерон создал цепочку обменов, не обходя лично их участников, и ничего не говорил о проблемах делимости и установления пропорций обмена на рынке в Кавеле.

Что интересно, Н. И. Зибер в параграфе «Возникновение денежного обмена» приводит описание затруднений именно денежного обмена – когда большинство торгующих на рынке отказывалось брать какой-то сорт денег из-за неустойчивости его курса, вызванного спекуляциями на денежном рынке правящей в округе верхушки, причем именно в этом случае европейцы-участники денежного обмена (в отличие от Камерона как участника наличной мены вещи на вещь) реально жаловались на затруднения. По свидетельству путешественника Барта, в стране Борну «восемь «каури» или «кунгона», считаются равными одной «габага», или 33 кунгона одной «ротль»... Отношение ротля и австрийского та-

лера, имеющего широкое обращение в Борну, подвергается крайним колебаниям, вызываемым... спекуляциями правящего класса, который скупает каури и тем роняет талер от 100 ротлей или 3200 каури до 40 или 50 ротлей» [4, с. 442]. В результате «мелкий земледелец, раз в неделю приносящий свою пшеницу на рынок Кукавы, ни в каком случае не хочет брать платы раковинами и редко соглашается взять талер: поэтому лицо, желающее купить пшеницу, если имеет только талеры, должно, прежде всего, разменять талеры на раковины или купить раковины; потом за раковины оно должно купить «кульгу» или рубашку; и после целого ряда сделок оно может привести к успешному концу покупки хлеба... Утомление, испытываемое от этого рода мены, так велико, что Барт часто видел своих слуг возвращающимися с рынка в состоянии крайнего истощения сил» [4, с. 442].

Таким образом, наблюдения над первобытным товарообменом, собранные Н. И. Зибером в рассматриваемой главе, вовсе не являются подтверждением начальной истории товарообмена и денег, выведенной К. Марксом посредством диалектики.

На всех стадиях использования диалектики, как А. Смит – научной дедукции, К. Маркс допускал серьезнейшие нарушения правил применения соответствующего метода, что также побуждает сомневаться в адекватности начальной части ТИД.

Важно отметить, что по настоящее время ученые, изучающие историю денег, так и не нашли фактического подтверждения начальной истории денег Смита–Маркса (случайной наличной мены вещи на вещь, сменившего ее товарообмена посредством первых товарных денег и далее – посредством металлических слитков). Как отмечает антрополог Кэролайн Хамфри из Кембриджского университета, «история не фиксирует ни одной экономической системы, основанной исключительно на бартере (наличной мене вещи на

вещь – примеч. авт.), не говоря уже о том, чтобы из подобной экономики со временем развилась концепция денег. Все доступные этнографические данные свидетельствуют, что ничего подобного никогда не существовало» [10]. Ей вторят экономисты, например автор «Финансовой истории Западной Европы» Чарльз Киндлбергер: «Некоторые историки экономики утверждают, что экономические отношения прошли эволюцию от бартерной экономики к денежной, а от нее – к кредитной. К примеру, подобную точку зрения разделял представитель немецкой исторической школы Бруно Гильдебранд; но эта идея является ошибочной» [10]. Подмечаются и логические ошибки, например, Альфред Митчелл-Иннес считает, что товарные деньги невозможны потому, что не могут служить универсальным средством обмена, так как в противном случае рыбаки, платившие за нужные им товары треской, за свою треску также должны были получать треску, что абсурдно [10]. Более того, отсутствие у теории возникновения денег из бартера эмпирических доказательств уже к началу XXI в. в широкой научной среде рассматривается как консенсус! [10]. Это значит, что современные сторонники ТИД в части начала денежной истории уже давно являются «научными» изгоями.

Все отмеченное выше говорит о том, что ни бартера как исходной формы товарообмена в человеческом обществе, ни товарных денег как стадии денежной истории, никогда не существовало.

В настоящей статье демонстрировалась ложность метода, посредством которого была создана начальная, гипотетическая история денег (А. Смитом и К. Марксом). В статье с таким же названием (Часть 2) будет показана ложность современной общепринятой трактовки метода экономического исследования, как метода, позволяющего некритически воспроизводить эту историю в современных работах на тему происхождения и развития денег.

Библиографический список

1. Будович Ю. И. Курс отечественной политэкономии середины XIX – начала XX в. о методе экономического исследования // Вестник Финансовой академии. – 2004. – № 1. – С. 96–106.
2. Будович Ю. И., Лебедев К. Н. Место финансов в современной экономике (Экономика без финансов). – 2020.
3. Демидов И. В. Логика: Учебное пособие / StudFiles. – URL: <https://studfile.net/preview/5299038/page:7/> (дата обр. 24.09.2023).
4. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. – СПб : Издатель, 1899. – 574 с.
5. Зибер Николай Иванович / Академик. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/88799/Зибер> (дата обр. 18.09.2023).
6. Ковалев А. В. К вопросу о теории происхождения денег К. Менгера // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 4. – С. 137–51. – DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10047](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10047).
7. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя, П. Юдина. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 704 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 20. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – 828 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 23. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
10. Мартин Ф. Money. Неофициальная биография денег / LibCat.ru. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/prochaya-dokumentalnaya-literatura/41764-5-feliks-martin-money-neoficialnaya-biografiya-deneg.html> (дата обр. 30.09.2023).
11. Менгер К. Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – 496 с.
12. Политическая экономия : Учебник / К. В. Островитянов [и др.]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 640 с.
13. Румянцев А. М., Козлов Г. А., Милейковский А. Г. Политическая экономия : Учебник. Т. 1. Капиталистический способ производства. – М. : Политиздат, 1982. – 558 с.
14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III). – М. : Наука, 1992. – 572 с.
15. Чупров А. И. Курс политической экономии. – М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. – 356 с.